

УДК 82-94

Б.М. ЭЙХЕНБАУМ И Л.Я. ГИНЗБУРГ (ПОРТРЕТИРУЕМЫЙ И ПОРТРЕТИРУЮЩАЯ)

ТАБОРИССКАЯ Евгения Михайловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли,
Северо-Западный институт печати С.-Петербургского государственного университета технологии и дизайна

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой попытку реконструкции восприятия многосторонней личности Б.М. Эйхенбаума его ученицей – замечательным литературоведом Л.Я. Гинзбург, которую она воплощает в жанре литературного портрета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проблема исторического и бытового поведения, личность и эпоха, объективный принцип характеристики.

TAVORISSKAYA E. M.

Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of book printing and book trade,
North-West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Technology and Design

B.M. EICHENBAUM AND L.Y. GINZBURG (THE PORTRAYED AND THE PORTRAYER)

ABSTRACT. The article represents an attempt to reconstruct the perception of multifaceted personality of Eichenbaum by his student, a great literary critic L.Y. Ginsburg, embodied by her in the genre of the literary portrait.

KEY WORDS: historical and consumer behavior, personality and time, an objective principle of characteristics.

Менее всего эту статью следует рассматривать как полную и объективную картину отношения Л.Я. Гинзбург к Б.М. Эйхенбауму. Даже не берусь сказать, насколько доступный мне материал отражает истинное положение вещей, так как весь он заимствован из книги Л. Гинзбург «Записные книжки. Воспоминания. Эссе» [1].

Это солидный том, объемом в 62,4 условных печатных листа. В аннотации сказано, что издание «включает как ранее публиковавшиеся произведения... так и неизвестные читателям обширные фрагменты из записных книжек. <...> Справочный аппарат книги представлен вступительной статьей А.С. Кушнера и аннотированным указателем имен. Это наиболее полное издание документальной и дневниковой прозы Л.Я. Гинзбург». Аннотированный указатель составил Д.В. Успенский, в библиографии работ Л.Я. Гинзбург использованы материалы Джадсона Розенгранта, но имя составителя неизвестно. Возможно, в этой роли выступил тот же Д.В. Успенский. Однако в содержании увесистого тома не оговорено, что печатается впервые (исключение составляет упоминание о том, что «впервые вместе представлены обе части "Записок блокадного человека"»), а в библиографии статья «Проблема поведения (Б.М. Эйхенбаум)» – существенная часть воспоминаний Л.Я. Гинзбург – не числится. То ли она прежде не публиковалась, то ли публиковалась в составе, и тогда и в каком, неизвестно. Даты у статьи нет, и только по упоминанию, что отзыв Бориса Михайловича, сделанный о докладе Л.Я. Гинзбург в 1924 году, дошел до неё через шестьдесят лет, позволяет отнести статью к 1984 году. В том году отмечалось 25-летие со дня смерти учёного.

«Проблема поведения» – целостный, законченный текст, написанный в жанре литературного

портрета. В его основе – отстоявшееся представление автора о личности Эйхенбаума, о его роли исследователя, текстолога, литературоведа, о его взаимоотношениях с учениками и сверстниками, о главных идеях, которым он посвятил жизнь, о взаимодействии человека и времени. Последнее всегда занимало Л.Я. Гинзбург, которая широко и свободно мыслила не только в сфере профессиональной, но и в социально- философской и экзистенциальной.

«Проблема поведения» – самое объёмное упоминание об Эйхенбауме в книге, о которой идёт речь. Всего же в ней 34 записи об Эйхенбауме, как свидетельствует именной указатель. По количеству это соизмеримо с упоминаниями о В.Б. Шкловском и Ю.Н. Тынянове. Правда, очерк о Тынянове, написанный для книги в серии ЖЗЛ (первое издание вышло в 1966 г., второе в 80-ые годы), почти в три раза объёмнее, следовательно, подробнее, детальнее, чем «Проблема поведения». О Шкловском Л.Я. Гинзбург связанных воспоминаний не оставляла, однако в 20-е годы, в пору студенчества и первых лет профессиональной работы, именно эти три имени формалистов-опоязовцев чаще других появляются на страницах её записных книжек. Все трое тесно и близко дружили, все трое мощно и ярко проявили себя в науке о литературе, все трое тяготели к художественному творчеству. Шкловский в 20-е годы написал свой роман «Зоо, или письма не о любви» – самую нежную, по оценке Л.Я. Гинзбург, книгу этого времени. Тынянов после «Кюхли» становится профессиональным писателем: «Смерть Вазир-Мухтара», «Восковая персона», «Подпоручик Киж», «Малолетний Витушишников», неоконченный роман «Пушкин», с точки зрения Л.Я. Гинзбург, стали продолжением теоретических и исторических идей Тынянова-исследователя. И в Эйхен-

бауме она видит человека литературы. «В молодости Эйхенбаум писал стихи (Гумилёв даже кое-что напечатал в журнале "Гиперборей"), в 30-х годах написал роман "Маршрут в бессмертие" – о лексикографе Н.П. Макарове, в дневниках он не раз возвращается к мысли о беллетристике. <...> Но главное в самосознании Эйхенбаума не эти порывы к беллетристике, а устойчивое отношение к своей научной прозе как к факту литературы» [1, с. 412].

Историк литературы должен быть литератором, история литературы плодотворна, когда она ориентирована на современную литературу, – повторял Борис Михайлович своим ученикам [там же].

Л.Я. Гинзбург умеет видеть в Эйхенбауме качества личности, установки и убеждения, характерные для его окружения и времени. Связь с эпохой, не внешняя (ситуативная), а глубинная, определяющая сущность бытия индивидуума, – вот что занимает автора литературного портрета. Закономерно, что в концовке очерка, посвященного Б.М. Эйхенбауму, звучит весомый и обоснованный всем предшествующим повествованием вывод: «Историко-литературным работам особую динамику придает их подспудное личное значение, скрытое отношение к жизненным задачам писавшего. У больших научных трудов Бориса Михайловича Эйхенбаума был свой интимный смысл – проблема исторического введения личности» [1, с. 445].

Эта мысль Л.Я. Гинзбург, как нам кажется, далеко выходит за рамки конкретного мемуарного очерка. С одной стороны, в ней видится постоянное внимание исследовательницы к проблемам историзма, к многообразным связям человека и времени, определившим логику её центральных книг: «О лирике», «О психологической прозе», «О литературном герое». С другой стороны, акцент, сделанный Гинзбург на «подспудном личном значении, скрытом отношении к жизненным задачам», иначе говоря, к объектам исследования и самой исследовательской личности и у Эйхенбаума, и у неё самой перекликается с мыслью Б.О. Кормана, что любая литературоведческая работа автопсихологична. Борис Осипович не раз возвращался к этой мысли в разговорах конца 1960 – начала 1970-х годов. Возможно, это убеждение Кормана возникло не без влияния Лидии Яковлевны: она была его оппонентом, когда он защищал докторскую диссертацию, их беседы и переписка, безусловно, были значимы для Б.О. Кормана.

Литературовед должен стремиться к объективности, но не может быть равнодушен к тому, о чём он думает и пишет. Он живёт во времени, в эпохе, находится под её воздействием, но выбор поведения остается за ним. И Л.Я. Гинзбург видит в жизни и личности Б.М. Эйхенбаума пример высокого, достойного поведения.

Портретный очерк Эйхенбаума должен рассматриваться как итог размышлений Л.Я. Гинзбург о своём учителе. Нельзя сбрасывать со счетов, условно говоря, публичность самого жанра мемуарного портрета, так как установка – это будут читать все (друзья и враги, почитатели и хулители, те, кто знал Эйхенбаума, как сама Лидия Яковлевна, или в меньшей степени, но общался с ним лично, либо те, кто знает только его труды, либо те, кто вообще ничего о нем не знает) – определяет отбор фактов, смысловые и эмоциональные акценты очерка.

Можно предположить, что Гинзбург в портрете Эйхенбаума выдвинет на первое место то, что видели в этом человеке другие мемуаристы, с уважени-

ем и с сим • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума Е. Шварц или В. Каверин). Она пишет об артистизме Эйхенбаума, упоминает об обманчивой легкости своего учителя и утверждает: «Эйхенбаум был человек твердый и храбрый. Человек творческой воли» [1, с. 444]. Она говорит о сочетании твердости и изящества в личности Бориса Михайловича и приводит ставшее общим местом определение Шкловского – «железный кузнечик». И в этой микроцитате, вернее, в том, в каком контексте она подана, сказывается личность и позиция автора очерка. Лидия Яковлевна указывает, что этот отточенный оксюморон появился в письме 1958 года: «Письмо так и начинается: "Дорогой железный кузнечик!"».

За этой фразой и за обобщенной датировкой стоит особый смысл, устанавливающий особый контакт между Гинзбург и её читателем. В нём она, конечно же, видела своего современника, не нуждающегося в пояснениях, чем был 1958 год, какие отношения связывали Витю (В.Б. Шкловского) и его корреспондента. Сейчас для многих это уже неизвестно и нуждается в комментариях. К тому времени Шкловский и Эйхенбаум были близкими друзьями очень давно, и, безусловно, Шкловский, как никто другой, знал, какими испытаниями для Эйхенбаума стали два последних десятилетия. Он знал о сыне Бориса Михайловича, погибшем в Отечественную войну, о смерти жены (Рая Борисовна умерла в 1946), о гонениях на «космополитов», вынудивших Эйхенбаума уйти с кафедры, лишиться общения со студентами, обречших его на безденежье. Разочарования и унижения, связанные с этим процессом, были прекрасно известны и Шкловскому, и Гинзбург. Лидия Яковлевна и сама была жертвой «борьбы с космополитизмом»: ей пришлось оставить исследовательскую работу в Пушкинском доме и преподавать в Петрозаводском пединституте. Об этом времени она говорила как о самом тяжелом в своей жизни. В целом это знали многие люди, жившие в середине истекшего века.

Л.Я. Гинзбург не детализирует, не поясняет своего высказывания, не напоминает, что в 1958 году «железному кузнечик» было семьдесят два и жить ему оставалось всего год. Её позиция: только самое существенное, только толчок, побуждающий читателя додумать мысль, задающую вектор размышлений, и при необходимости самому найти нужные факты.

В центре внимания автора очерка – профессионального исследователя литературы – закономерно оказывается деятельность и позиция Эйхенбаум-литературоведа и их проявления: сфера научных интересов, участие в ОПОЯЗе, отношения с друзьями-формалистами, преподавательская работа.

Лидия Яковлевна не торопится поделиться с читателем тем, как она видела и оценивала Б.М. Эйхенбаума лично, интимно, «для себя». Эти размышления и оценки остались в её записных книжках и в очерк не вошли. В строго выверенном отборе фактов, в характере их освещения сказались и высокая этическая позиция автора очерка, и чувство такта и меры, и ощущение жанра. Его закономерности не столько диктуют конкретные факты, сколько влияют на принципы их отбора и освещения.

Л.Я. Гинзбург пишет не о частном человеке – Борисе Михайловиче Эйхенбауме, чьи лекции она слушала, а потом работала в семинаре, чьим мнением дорожила, о ком думала и писала в своих записных книжках для себя. В её портрете Эйхенбаум, прежде всего – достояние отечественной науки,

личность, оставившая свой след на века. И частностям в такого рода произведении, как мемуарный портрет, места быть не должно. Только существенно важное, крупное, определяющее. Назвав свою статью не «Б.М. Эйхенбаум» (имя ушло в подзаголовок), а «Проблема поведения», Гинзбург подчеркнула не столько мемуарный, сколько проблемный ракурс своего очерка. Поведение человека в науке, в эпохе – вот что занимает её. И этой задаче подчинена логика статьи, выявляемая композицией.

«Надо решать проблему поведения», – писал Эйхенбаум Шкловскому в 1929 году. «Частичная публикация дневников и писем Эйхенбаума показала, что проблема поведения, научного и жизненного, всегда оставалась для него самой насущной» [1, с. 144], – так начинает Лидия Яковлевна свой очерк и заканчивает его уже цитированной выше фразой: «У больших научных трудов Бориса Михайловича Эйхенбаума был свой интимный смысл – проблема исторического поведения личности». Это не просто композиционное кольцо – это посылка и вывод, превращающие размышления Гинзбург об Эйхенбауме в своеобразный виток спирали, где на входе – задача, которую ставит перед собой или вынужден решать учёный, в расцвете сил оказавшийся в сверхсложной ситуации. 1929 год – канун страшных тридцатых, время поворота от относительно либеральных времен недавнего НЭПа к индустриализации, коллективизации и прочим проявлениям усиления «классовой борьбы» в пору «построения» сталинского социализма. Это время, когда формалисты и формализм всё более и более становятся жупелом истинно советского литературоведения, а теория литературного быта, над которой Эйхенбаум работал в середине 20-х годов, не встретила понимания даже у его учеников, что и привело к распаду семинара Эйхенбаума-Тынянова в 1927 году.

Лидии Яковлевне важно сказать, как последовательно и благородно вел себя Б.М. Эйхенбаум в обстоятельствах, казалось бы, менее всего располагавших к такому поведению. Что может быть обиднее для исследователя, чем негативная оценка учеников, любимых, выпестованных, знающих, что учитель их ценит и любит?

Гинзбург пишет: «Последним толчком к распаду было обсуждение в семинаре эйхенбаумовской теории литературного быта. Теорию мы встретили с неодобрением. Борис Михайлович сказал: "Семинарий проявил полное единодушие. Я – в ужасном положении. Но положение могло быть еще ужаснее. Представить себе, что лет через пять вы начали бы говорить какие-нибудь там новые, смелые вещи, и я бы вас не понимал. Ведь это было бы ужасно. К счастью – сегодня всё получилось наоборот!"».

«Эта реплика, – продолжает Лидия Яковлевна, – была не только искусным полемическим выпадом; в ней таилась занимавшая тогда Эйхенбаума концепция исторического поведения поколений». «Поколения, – утверждал он, – сменяются каждые 10 лет; в жизни личности – десятилетие – тоже сигнал изменения» [1, с. 445].

Однако свой портрет Эйхенбаума Лидия Яковлевна строит не по хронологическому принципу, уместному, если речь идёт о жизни и творчестве известного человека. У неё иная задача. Создавая образ Эйхенбаума, она работает, как скульптор над монументальным портретом, где господствует самое необходимое и выразительное. Это широта интересов Бориса Михайловича, которая вначале жизни замедлила его вхождение в литературную науку (Гинзбург на это потребовался один абзац). Это характеристика его самых ранних работ, написанных

в 1910-х годах, где «литература предстает в философском преломлении как выражение "сущности мира", "целостности бытия"» [1, с. 441]. Об этом и об участии Эйхенбаума в ОПОЯЗе, равно как и о пафосе этого литературоведческого направления, автор тоже говорит сверхлаконично. Гинзбург очень важно, что сам Эйхенбаум считал неудачным термин «формальный метод» и «в моих статьях предлагал называть его *морфологическим*» (курсив Л.Я. Гинзбург).

Больше всего внимания Гинзбург уделяет трудам Бориса Михайловича о Толстом и особо подчёркивает важность и для него, и для литературоведения его работы «Молодой Толстой» (1922). Эту книгу она называет замечательной и видит в ней «зерно будущих исследований».

«Книга свидетельствует о том, – пишет Лидия Яковлевна, – что с самого начала узловой проблемой Толстого была для Эйхенбаума проблема исторического поведения писателя и человека» [1, с. 443]. И эта мысль снова возвращает читателя к проблеме автоспсихологизма в трудах литературоведа. Гинзбург приводит две цитаты из этой работы, и становится понятно, что и идея «методологии самонаблюдения», и мысль о «разрушительных силах, скрытых почти в каждом его (Толстого – Е.Т.) приеме» не только «краеугольны», по её выражению, для Эйхенбаума, но и важны, ценны для самой Лидии Яковлевны. Она настаивает на том, что Эйхенбаум не только создатель крупных оригинальных идей и блестящих книг, но и труженик, для которого нет «чёрной работы». И, говоря об этом, Лидия Яковлевна, пожалуй, единственный раз позволяет себе некий дидактический ход: «Он был учёный обширнейших знаний, строгий, поднимавший огромный материал. Он знал при этом то, что не всегда понимают сейчас молодые исследователи: для настоящего филолога нет "чёрной" работы. Эйхенбаум был блестящим и скрупулёзным текстологом и комментатором, неутомимо трудившимся над изданием русских классиков» [1, с. 412–443].

Для того чтобы охарактеризовать вклад Эйхенбаума в отечественное литературоведение, Гинзбург понадобился всего один абзац. Особо она подчёркивает непреходящее значение трилогии и статей о Толстом, но начинает она указанный абзац утверждением: «В том или ином объёме Эйхенбаум написал почти обо всех больших русских писателях XIX века, не обходя и писателей второстепенных» [1, с. 443].

Казалось бы, портрет Эйхенбаума в очерке «Проблема поведения» создан в нарочито объективной манере, однако есть аспект, где автор отходит от неё. Эйхенбаум – учитель и воспитатель молодого поколения литературоведов – заставляет Л.Я. Гинзбург впустить в текст и её «я», и конкретику частных случаев, встреч, оценок и даже шуточных стихов. Этот аспект очерка наиболее тесно связан с тем видением Эйхенбаума, которое запечатлелось в записных книжках молодой Люси Гинзбург. Тут появляются точные даты («В 1922 году я стала ученицей Эйхенбаума»; «В 1927 году семинар распался»), здесь речь идёт об общем для учеников и учителя увлечении русской прозой 1820–1830-х годов, сюда попадает рассказ о «непозволительно длинном докладе, прочитанном в 1924 году 22-летней Гинзбург в семинаре (автор замечает в скобках «тогда говорили – семинарий») по теории романа. Лидия Яковлевна цитирует за-

пись в дневнике Эйхенбаума от 18 марта 1924 г., дошедшую до неё шестьдесят лет спустя: «Вечером Л.Я. Гинзбург читала свою статью (сокращенный доклад из моего семинария по теории романа) о "Коте Мурре". Слушали Витя (Шкловский) и Жирмунский. Оба остались довольны – статья, действительно, очень хорошая» [1, с. 449].

Возникает разговор об антиакадемичности, характерной для опоязавца Эйхенбаума, так много давшего своим ученикам: «В 1926 году я как-то сказала Борису Михайловичу, что зачёты и лекции мешают заниматься. Он рассмеялся: "И мне лекции мешают заниматься". После паузы: "Вот было бы хорошо, если бы все сговорились. Мы вдруг перестали бы читать лекции, а вы их слушать"» [1, с. 444].

Попали в очерк даже шуточные стихи, молодой Люсе посвященные. Гинзбург Эйхенбауму-полемисту:

Его удел не грубый смех,
Ему на случай спор и сшибок
Дана тончайшая из всех
Академических улыбок [1, с. 445].

Эти микроэпизоды, касающиеся личных контактов молодой Гинзбург с любимым учителем, можно рассматривать как некий мостик, переход, фиксирующий работу автора по отбору и интерпретации материала. В записных книжках 20-х годов систематически возникают строки о том, что в институте истории искусств, где Лидия Яковлевна училась у Тынянова и Эйхенбаума, домашним стихотворством занимались все: преподаватели, студенты и даже «монументальный швейцар». Это была часть «литературного быта», как сказал бы сам Борис Михайлович.

В очерк-портрет Эйхенбаума Лидия Яковлевна включила разговор, случившийся в Одессе в 1927 году. «... Борис Михайлович несколько дней гостил у меня на даче. "Не понимаю, – сказал он задумчиво, – как это вы могли от моря, солнца, акаций и всего прочего приехать на север с таким запасом здравого смысла. Если бы я родился в Одессе, то из меня бы, наверное, ничего не вышло"».

В синхронных записях лета 1927 г. такой разговор отражения не нашёл. Точнее сказать, он не нашёл отражения в опубликованном тексте записных книжек. Зато напечатан очень примечательный фрагмент того времени.

Реальные жизненные отношения ученицы и учителя оказываются куда более напряжёнными и психологически неоднозначными, чем то, что в 80-е годы маститый учёный позволяет себе включить в свой портретный очерк.

И в одесских записях передана ироническая пикировка Бориса Михайловича с Люсей, проливающая свет на отношения учителя с ученицей, гостя с хозяйкой дома, сорокалетнего мужчины с двадцатипятилетней женщиной. Синхронная запись принадлежит молодой Гинзбург, уставшей от «пятилетних академических отношений». В них сквозит досада, позволяющая заподозрить, что Люсю Гинзбург такой академизм не устраивал, но и возникшая симпатия учителя («Впервые в жизни я ему понравилась, и он испытывал потребность выразить это новое ощущение» [1, с. 390]) не вызвала у неё радости. В текст попадают детали, явно передающие то ли недовольство, подкрашенное иронией, то ли иронию, возникшую из неудовлетворённости:

«Под неподвижным взглядом Раи Борисовны мы путали улицы и не узнавали в лицо трамвай»; «Борис Михайлович улыбался мне своей очень нежной и немного мо...» • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума (как и иные люди не умеют выбирать слова, он не умеет выбирать жесты), официально называя меня Люсей» [там же].

По горячим следам Лидия Яковлевна записывает важные для неё высказывания Бориса Михайловича, обращённые к ней, живой Люсе, а не к участнице семинария: «Должно быть, хорошо увидеть человека на его родине. Я только сейчас многое в вас понял. И я совсем не разочарован...» [там же].

Последняя фраза – своего рода возражение, видимо, опережающее предупреждение самой Лидии Яковлевны, что-то вроде: «В Одессе вы во мне разочаруетесь».

Эйхенбаум пытался передать свою «нарождающуюся симпатию», объясняя Люсе сущность её ума (разговор идёт в трамвае).

«У вас несомненно абстрактный ум, – сказал Борис Михайлович, – то есть это не точно. Абстрактный ум бывает у людей, которые занимаются философией. У вас словесный ум. Вы остро чувствуете слово и не видите вещей» [там же].

Ум – равно мощный в анализе и в обобщениях – самая очевидная и запоминающаяся черта личности Гинзбург – литературоведа и человека. И её чуткость к слову, отмеченная Эйхенбаумом, поразительна, но ум Лидии Яковлевны отнюдь не словесен.

«В этот день, – продолжает она свою запись 27 года, – мы с Борисом Михайловичем с раннего утра не видели вещей, т.е. мы теряли вещи (в том числе купальные трусики Б.М., забытые у Гурфинкелей)...» (предложение продолжает цитированный выше пассаж о неподвижном взгляде жены Эйхенбаума).

Текст оказывается непроговорённым и поэтому повышено психологичным, чувство – неоднозначным, оценка Эйхенбаума – далёкой от той, что присутствует в позднем очерке. Там она диктуется и отстоявшимся временем, и публицистическим жанром. В синхронной записи оценка свободна от регламентирующих воздействий, равна самой себе.

Однако и синхронную одесскую запись, закрепившую памятный день и памятную пикировку с Эйхенбаумом:

– Вы имеете в виду мою топографическую бездарность?

– Ваша бездарность уже переходит в талантливость. Теперь я не сомневаюсь, что у вас настоящий словесный талант.

Завершает аналитический итог: «И всё же это не помогло. Как и прежде мне было весело разговаривать с Б.М. на людях и тяжело наедине. Разговор приходится сочинять, и выходит всё-таки разговор наощупь. Господствует ощущение, которое мне как плохому игроку в шахматы хорошо знакомо: ощущение недоверия к собственным поступкам и неудовлетворяющей тщетной затраты умственных сил» [1, с. 391].

Эта запись – свидетельство не только далеко не простых отношений молодой Гинзбург с Эйхенбаумом, но и ярких литературных возможностей Лидии Яковлевны, во многом определивших её мемуарное и публицистическое творчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспомяная. Эссе / Л.Я. Гинзбург. – СПб. : Искусство-СПб, 2002.